

Как мы спасли летчика

Детская память цепкая, но даже если бы мы были постарше, вряд ли смогли забыть то, что случилось с нами в войну...

В 1941 году мне было 11 лет. Шла осень, первая фашистская оккупация. В Чалтыре хозяйничал враг, но мы, несмотря на опасность, не могли усидеть дома. В один из дней друг детства и мой ровесник Илья (Егия Хачатурович Чибичян, много лет проработал кузнецом в колхозе имени Шаумяна) забежал к нам и говорит: "Чего сидишь, пойдем гулять!". Дома наши располагались почти на самой окраине села, дальше – бескрайние колхозные угодья, простор и раздолье для мальчишек той поры. Мы и побежали в поле, в сторону бахчи, туда, где протекала речка. Поднялись на небольшой курган и вдруг слышим, откуда-то снизу доносится глухой мужской голос: "Ребята, идите сюда". В первую минуту мы испугались, но после слов: "Не бойтесь, я русский солдат", – страх исчез. Бегом спустились вниз, к воронке от разорвавшейся бомбы. Там, в углублении, сидел боец в летной форме. На первый взгляд он не был ранен и не нуждался в медицинской помощи. Но мы поняли: чтобы избежать неминуемой гибели, ему необходимо было переодеться в гражданскую одежду. Стремглав мы побежали обратно в село.

Моя мама была в этот момент дома, и я сразу же рассказал ей о советском летчике, о том, что нужно его покормить, переодеть. Мама достала из сундука старые папины вещи, завернула в узелок, протянула мне и говорит: "Пусть

человек пока там, в укрытии, переждет, а как стемнеет, приведите его к нам – холодно на улице". Мы вернулись к летчику, помогли ему переодеться, дали воды и еды. Сначала он отказывался спрятаться у нас в доме, ведь это грозило расстрелом всей нашей семье. Но потом, когда я объяснил, что немец поблизости нет, согласился.

Была ночь, когда летчик перебрался к нам. Мама провела его на чердак, постелила ему там. Прошло несколько тревожных часов, никто не спал. Вдруг слышим, шаги наверху, наш постоялец спускается. Он присоединился к нам, сел за стол, разделил с нами нехитрый ужин. И рассказал, как очутился здесь, на оккупированной территории. По заданию командования своей эскадрильи полетел в немецкий тыл на разведку, фотографировал места дислокации

войск, брал на заметку и их численность, и вооружение. Много материала отснял. Хотел уже возвращаться к своим, а тут фашистский "мессер" откуда ни возьмись, а за ним – еще один. Завязался бой, первого стервятника удалось сбить, а второй уже сбил нашего сокола. Самолет рухнул с огромной высоты в водоем, но летчик успел выпрыгнуть с парашютом. Приземлившись, огляделся, увидел неподалеку заросли кустарника, там и спрятал парашют. Теперь нужно было укрыться самому. Под курганом он приметил бомбовую воронку и свалившееся туда дерево, наспех соорудил из веток и травы шалаш, чтобы не ночевать под открытым небом. Тут-то и появились двое пацанят.

Летчик долго говорил, он рассказал еще и о том, что немцы в наших краях ненадолго, так как у

них техники мало, и горючее подвезти невозможно, потому что железнодорожный мост взорван, поезда не ходят. Все так и вышло: через три дня под натиском советских войск враг отступил. Хорошо помню, как к нам во двор вошли двое красноармейцев, поздоровались, попросились на ночлег. Мы, конечно, с радостью пустили их, рассказав о летчике, который прятался на чердаке. Тот сверху видел бойцов и слышал разговор, сразу же спустился к ним, представился, показал документы, отснятый материал. По всей видимости, сведения представляли большую ценность, так как их решено было срочно доставить в центр...

Летчик записал нам на бумажке свое имя, адрес, чтобы связаться с нами после войны. Нам казалось, что она скоро закончится, и все будет по-прежнему. Боже, как мы ошибались, сколько страшных испытаний ожидало нас впереди. К сожалению, больше с тем отважным человеком мы не увиделись, и он нам не написал. Скорее всего, героически погиб. Нам не удалось сохранить его данные. Через пять лет после этих событий, в 1946 году я еще раз вспомнил о произошедшем. Мне было пятнадцать, я уже работал, пас индивидуальный скот. Владельцы животных по-доброму обращались со мной, кто кусок хлеба давал, кто – стакан молока. Люди, несмотря на свои горести и потери, понимали, как трудно живет наша семья без кормильца: мой отец, Аведик Ованесович Мовсесян, прошедший Первую Мировую войну, погиб в Великую Отечественную. Мы получили похоронку 22 мая 1942 года...

Стоял холодный апрельский день. Я погнал стадо в степь. Дул сильный ветер, по земле проносились кругляши перекасти-поля. Гляжу, впереди большая яма, сплошь

заросшая бурьяном. У меня были с собой спички, и я, чтобы согреться, поджег сухую траву. Она вспыхнула, как порох, а под ней оказалась вода – речка была поблизости, вот и натекло в яму. Через несколько дней я снова пригнал туда скот. Воды в яме стало поменьше, видимо, испарилась или ушла в землю. И тут я увидел: из середины что-то торчит. Пригляделся и понял – это хвост самолета, а на нем красная звезда. Тот самый, сбитый фашистами осенью 1941-го. Вечером я отправился в райком партии, сообщить о находке, и попутно о том, как мы прятали на чердаке нашего дома летчика-разведчика.

Представители районной власти побывали у той балки (я показал им место), увидели самолет. И со мной поговорили, обещали написать в Москву, найти следы летчика. Но на том дело и остановилось. Спустия несколько дней крылатую машину достали из балки и увезли куда-то. Я в это время пас скот на дальнем лугу и не знал ни о чем...

Сейчас мне уже 85, много лет я проработал в колхозе имени Шаумяна. Прожил долгую жизнь, видел и хорошее, и плохое. Историю эту вспомнил не для того, чтобы похвастаться, похвалиться, вот, мол, какой я герой. Пусть молодые прочтут и поймут: самое главное достояние людей – это мир. Будет мир, будет все остальное. И те герои, которые сложили свои головы за наше счастье и достоинство, за право быть свободными людьми, останутся бессмертными. Навсегда.

Гурген МОВСЕЯН,
с. Чалтырь.

На снимке: Г. А. Мовсесян (справа) и Е. Х. Чибичян дружат с детства.

Фото А. МИРУКЯНА.

